

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.5>

УДК 908

ББК 63.3(2)5

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИЕЙ СТРУКТУР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ (НА ПРИМЕРЕ ИЛЬИНСКОГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СУДОГОДСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1905–1906 гг.)

Ефремов Андрей Сергеевич

Аспирант кафедры истории, археологии и краеведения,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
eskalibur89@rambler.ru
ул. Чайковского, 44Б, 600015 г. Владимир, Российская Федерация

Аннотация. Целью существования Ильинского общества сельского хозяйства было увеличение благосостояния населения местности, в которой оно действовало. С активизацией политической жизни в стране над ним получают контроль люди с либеральными политическими убеждениями. Их действия по повышению своей популярности среди крестьян были расценены местной администрацией как уклонение от поставленных обществом задач. Прибегнув к незаконным методам борьбы, губернатор воспрепятствовал деятельности сельскохозяйственного общества. Конституционалисты-демократы не смогли этому противостоять, поскольку руководствовались стереотипами и предубеждениями.

Ключевые слова: сельскохозяйственное общество, популярность, крестьяне, конституционалисты-демократы, политические убеждения.

© Ефремов А.С., 2015

Основой популярности многих деятелей оппозиции было их активное участие в общественных организациях. Первая мировая война настолько расширила сферу влияния последних, что они смогли сыграть значительную роль в свержении самодержавия. Благодаря специфике российской политичес-

кой системы этого периода участие оппозиционеров часто придавало таким организациям характер, совершенно не соответствующий официально декларируемым целям. В частности, как утверждает Ф.А. Гайда, Земским и Городским союзом «изначально был взят курс на конкурирование с бюрократ-

тической системой» [3, с. 54]. Нельзя сказать, что эта тактика была чем-то новым в арсенале средств политической борьбы либералов. Уже Первая русская революция дала примеры использования общественных организаций с этой целью. Один из них можно встретить в Судогодском уезде Владимирской губернии.

В селе Ильинском с 11 сентября 1902 г. (дата утверждения устава губернатором) существовало Ильинское общество сельского хозяйства (ИОСХ). Владимирский губернатор И.М. Леонтьев в докладе Заведующему полицией Д.Ф. Трепову о деле ИОСХ писал: «При первоначальном составе должностных лиц этого общества в деятельности его ничего предосудительного замечено не было» [8, л. 2]. Однако с появлением на политической арене А.П. Грессера¹ «в деятельности Ильинского общества стало замечаться явное уклонение от преследуемых уставом задач». По сведениям губернатора, «будучи избран в январе (1905 г. – А. Е.)... в Председатели Совета этого общества, г. Грессер посвятил себя не столько на развитие деятельности общества, сколько на распространение между населением своих политических убеждений» [8, л. 2–3].

На постоянное жительство в Судогодский уезд Грессер, как говорилось в упоминавшемся выше докладе губернатора, прибыл в 1904 году.

Поселившись на новом месте Грессер, отставной корнет Конно-гвардейского полка, землевладелец Юрьевского и Судогодского уездов [16, с. 3], «как человек сомнительной благонадежности тотчас же примкнул к крайней земской партии гласных как Судогодского уездного, так и Губернского земского собраний... [стал] высказывать свои вредно тенденциозные убеждения» [8, л. 2–3]. Следует отметить, что к «крайней земской партии», по мнению губернатора, относились член Губернской земской управы Г.А. Смирнов, председатель Судогодской уездной земской управы Жоховский, Ковровский уездный предводитель дворянства Н.П. Муратов, гласные М.Г. Коммиссаров, Федоровский, Михайлов, секретарь земской управы Я.О. Кузнецов. Все перечисленные лица в скором времени станут функционерами кадетской партии.

Для не достигшего успеха на государственной службе естественно искать иной путь самореализации, каковым стали в данном случае общественные учреждения. Земский начальник Судогодского уезда П.Г. Булгаков, полагал, что Грессер добивался должностей «1) попечителя народных школ, 2) гласного земского собрания, 3) члена Училищного совета, 4) почетного мирового судьи, 5) и даже уездного предводителя дворянства» [8, л. 11] (о претензиях Грессера на последнюю должность пишет и газета «Клязьма» [15, с. 2]). Планировал он баллотироваться также в Булыгинскую Думу [9, л. 1].

Начать свою карьеру в этой сфере деятельности он решил с ярких критических выступлений перед готовой таковые воспринять аудиторией, что и вызвало негодование земского начальника: «На 20 число марта (1905 г. – А. Е.)... я был приглашен бумагой в заседание Школьной комиссии в помещении Судогодской Уездной Земской Управы под председательством земского гласного М.Г. Коммиссарова. Кроме того там были: (перечисленные губернатором будущие кадеты. – А. Е.), некоторые попечители земских школ, в том числе находился... г. Грессер, который еще не утвержден Губернским училищным советом в этом звании» [8, л. 10]. По-видимому, вмешиваться непосредственно в работу комиссии Грессер еще не считал себя вправе, поскольку речь его была лишь дополнением к основным её занятиям, которые возражений со стороны Булгакова не вызвали. Однако после рассмотрения «планов земских школ с практической точки зрения», Грессер попросил у Коммиссарова «разрешения сказать публично несколько слов». Свое вступление Грессер начал с сожаления о том, что «высшее правительство... тратит 3 миллиона ежедневно на содержание армии на Дальнем Востоке, тогда как народное образование находится в полном застое» [8, л. 10 об.]. Затем он, признав удовлетворительной постановку дела в земских и министерских школах, выступил с критикой школ церковно-приходских, «называя их самыми непригодными... как в учебном, так и в хозяйственном отношении» [8, л. 11]. Предлагаемое выступающим решение вытекало из недоверия к бюрократии: «Отпускаемые на эти школы... 10 миллионов... прилипают к рукам каких-либо личностей, так

как не даётся в этом израсходовании никаких обстоятельных отчетов обществу, а делается все келейно. В заключение г. Грессер полагал передать все школы в общественное учреждение» [8, л. 11].

Булгаков в своем донесении губернатору от 24 марта 1905 г. весьма критически отнесся к этим инициативам, всячески пытаясь провести мысль о незаконности произошедшего: «В компетенцию школьной комиссии рассмотрение подобных вопросов... не входило... С какого разрешения было публичное заседание школьной комиссии, мне неизвестно» [8, л. 11]. Булгаков посчитал необходимым довести до начальства и свое мнение о Грессере – «подобный оратор... едва ли может быть полезным на каком-либо поприще общественной деятельности».

Кроме того, выпады Грессера естественно не понравились представителям церкви, заинтересованным в сохранении государственного финансирования подведомственных им школ: на следующий день в заседании «Епархиального училищного совета священник о. Аркадий Коллеров (присутствовавший и на собрании 20 марта. – *А. Е.*) заявил» о «порицаниях... Грессера, о клевете и оскорблении целого учреждения церковно-приходских школ и просил заступничества за эти школы» [8, л. 11–11 об.]. Карательных мер со стороны администрации выступление Грессера не вызвало, в отличие от следовавших за ним событий.

29 мая 1905 г. состоялось собрание ИОСХ под председательством Грессера. По сообщению пристава 2-го стана Судогодского уезда Павловского: «По окончании сельскохозяйственных вопросов г. Грессер предложил посторонней публике удалиться, а остаться только членам Совета общества. Таких собралось человек 15, преимущественно из жителей этой местности, но некоторым наиболее любопытным из крестьянской публики удалось проникнуть в собрание». На нем присутствовало и три будущих кадета – земский врач Е.А. Герман, бухгалтер Горбатской фабрики А.С. Поснов и помещик сельца Филиппова А.Д. Михайлов [8, л. 1–1 об.].

Нетрудно догадаться, в чем заключалось выступление председателя: «Г. Грессер

предложил... обсудить вопрос об избрании народных представителей», «в резких выражениях осуждал войну с Японией, порицая администрацию, и говорил об угнетении крестьян» [8, л. 1–1 об.].

Обсуждение в стенах ИОСХ политических вопросов вызвало беспокойство губернатора, так как в уезде существовало еще три подобных организации, две из них также сельскохозяйственные общества: «1) в г. Судогде под председательством жены Председателя Земской Управы Жоховской, 2) в с. Александрове... Александровское под председательством Земского Начальника Михайлова и 3) в г. Судогде – общество пчеловодства – под председательством Председателя Судогодской Земской Управы Жоховского» [8, л. 3]. По мнению Леонтьева, «упомянутые 4 общества до сего времени никакой особенной полезной деятельности еще не проявили и едва ли могут проявить, так как песчаная почва и лесистая местность в этом уезде является неблагоприятной для каких-либо улучшений и... общества эти служат только предлогом для собраний неблагонадежных лиц, ничего общего с улучшением хозяйственного дела в Судогодском уезде не имеющими» [8, л. 3].

Впоследствии оказалось, что собрание 29 мая было лишь «пробным шаром» для задуманного Грессером предприятия. Следующее собрание ИОСХ состоялось в самом скором времени – 6 июня. Рапорт Павловского об этом довольно краток: «Грессер говорил о том, что выкуп за надельные земли... взыскан вполне и дальнейшей уплаты выкупных платежей производить не должно... собрание 6 июня главным образом было посвящено вопросу о государственном благоустройстве и состоялось постановление, *главным инициатором которого был г. Грессер* (курсив наш. – *А. Е.*), представить петицию: о прекращении войны, свободе слова и печати, выборах народных представителей всеобщей подачей голосов и увеличении крестьянского землевладения». По-видимому, не находя ничего предосудительного в содержании выступления, пристав даже подчеркнул, что дебаты «велись без излишней резкости и в приличном тоне» [8, л. 14–14 об.].

«Русские ведомости» писали, что «постановления (ИОСХ. – *А. Е.*) были встре-

чены с полным сочувствием собравшимися на заседание местными крестьянами, принимавшими широкое и живое участие в прениях» [4, с. 3], а также сообщали, что это постановление перепечатано еще несколькими органами – «Право» (№ 24), «Сын Отечества» (№ 123) и «Северный Край» (№ 150). В данной статье затронут и вопрос о составе собрания (наиболее скользкий с точки зрения законности, так как сами обсуждения действительно предусмотрены указом 18 февраля): «Когда был поднят вопрос, возможно ли присутствие... посторонней публики, то крестьяне, бывшие в числе публики, столь энергично отстаивали гласность собрания, что общее собрание единогласно высказалось за необходимость публичности заседания» [4, с. 3]. Во всяком случае, правительство сочло возможным принять постановление ИОСХ к сведению: «Совет общества получил от совета министров следующую бумагу: «Сим объявляется, что заявление ИОСХ... было в виду при обсуждении предположений МВД о порядке выполнения возвещенных Высочайшим рескриптом 18 февраля с. г. Монарших предубаждений», – сообщали «Русские ведомости» [2, с. 3]. Таким образом, Грессеру удалось облечь свои политические идеи в форму постановления общественной организации. Сознательность одобрения пунктов, не относящихся к сфере личных интересов, а возможно и кругозора присутствовавших на собрании крестьян, вызывает сильные сомнения.

Для более точного установления происходившего необходимо обратиться к документам, содержащим в себе больше свидетельств очевидцев, чем выводов автора. В данном случае это рапорт старшины Большегригоровской волости Дунаева Булгакову. В отличие от полицейских сведений, полученных «при негласном расследовании», здесь называются и имена свидетелей. Выясняется, что налоговый вопрос был лишь дополнительным на собрании, так как суть его передавалась ими не в одном варианте: «Грессер... выразился, что крестьяне выкупных платежей или государственного поземельного налога (т. к. они говорили разноречиво) будто бы переплатили уже много излишнего» [8, л. 17]. Ярko запомнившимся же фактом был такой:

«Грессер предлагал им со всеми своими ходатайствами обращаться к нему, г. Грессеру, который таковые и передаст по назначению, а также и советовал лично обращаться через своих ходоков... к Его Императорскому Величеству Государю Императору» [8, л. 17]. Эти речи имели некоторые последствия: «...крестьяне селений Гостенина и Мокеевки собирались на общий сельский сход для выбора этих ходоков, а также... приглашали и крестьян д. Крутого Врага и Малого Позднякова для выбора уполномоченных, но таковые на общий сход не ходили, так что это у них и распалось» [8, л. 17]. По-видимому, из-за этого отказа было признано, что выбранные при отсутствии кворума уполномоченные формально не могут считаться действительными представителями.

В представлении земского начальника губернатору упомянутые факты претерпели качественные изменения. Во-первых, уточнен неопределённый оборот «по назначению»: «...председатель общества высказался, что крестьяне со всеми нуждами своих ходатайств избирали бы ходоков и обратились бы к нему, а он будет направлять таковые... Государю Императору, так как все местные власти ходатайства крестьян не удовлетворяют или затягивают их удовлетворение» [8, л. 15 об.]. Последнее положение можно толковать тройко: либо так действительно рассуждал Грессер, либо так поняли его речи крестьяне (из-за экстраполяции им оппозиционной точки зрения на большую часть происшедших событий), либо это было продуктом творчества Булгакова; возможно также сочетание двух из вариантов. Однако в любом из этих случаев следует признать его по сути соответствующим содержанию агитации на рассматриваемом собрании.

Во-вторых, видоизменяются и дальнейшие события: «Последствием таких голословных толкований г. Грессером, ни на каких доказательствах не основанных, явилось то, что крестьяне селений Гостенина и Мокеевки... собрали сельские сходы для выбора ходоков и подстрекали крестьян селений Крутого Врага и Малого Позднякова, но последние от этого отказались и сельские сходы не состоялись» [8, л. 15 об.]. То есть вместо *одного* общего схода, бывшего только *на стадии планирования* и в итоге не состоявшегося, появ-

ляется тенденция возникающего «возмущения» в виде 2–4 сходов. Разноречия в освещении свидетелями налогового вопроса не упомянуты. Завершается же представление предвзятой оценкой деятельности организации: «ИОСХ не только не приносило и не приносит какой-либо пользы по специальному своему назначению для крестьян и сельских хозяев и не оправдывает своего назначения, но напротив подобным разговором... действует возбуждающим образом на крестьянское население» [8, л. 15 об. – 16]. Если принять во внимание зачёркнутый фрагмент, обстоятельства становятся еще более ясными: «...приносит вред для крестьян в порядке управления и возбуждает крестьян к разному их недоразумению, противному действующему узаконению, последствием чего могут быть разные веяния крестьянских обществ» [8, л. 16].

Выступление 6 июня не привело к радикальным действиям со стороны крестьян. Причиной предвзятой оценки Булгакова в рассмотренном документе, по-видимому, следует признать общее неприятие политического направления деятельности Грессера при фактическом отсутствии значительного нарушения им законодательства. Такое искажение реальности к тому же оказалось нецелесообразным. Оно затруднило закрытие общества, приведя к нетвердости позиции по этому поводу центральных органов администрации (МВД и ГУЗиЗ) и дав его защитникам дополнительные аргументы.

Существенна реакция аудитории, присутствовавшей на собрании. Вот как пристав Павловский начинает свой рапорт: «...вечером 6 сего июня, при проезде моем чрез с. Ильинское из командировки в Воскресенскую волость ко мне обратилось несколько человек местных крестьян со своим недоразумением по поводу данных будто бы на бывшем в этот день собрании ИСХО... г. Грессером разъяснений, что не следует больше платить “оброка” [8, л. 14]. В представлении Булгакова сообщается о таком же факте: «...некоторые сельские старосты и крестьяне обратились в Большегригоровское волостное правление за справкой и разъяснением, действительно ли это так (то есть переплатили ли они податей? – А. Е.), на что, конечно, обращающиеся... получили законный с разъяснением ответ» [8,

л. 15–15 об.]. Рапорт старшины Дунаева называет свои источники: «...крестьянин д. Мирского Данил Горбунов, д. Гостенина Яким Осипов Яшин, д. Уваровки Алексей Ларионов и с. Ильинского Иван Иванов Ситов» [8, л. 17]. Таким образом, становится ясным подлинное настроение публики, бывшей на собрании, характеризующееся высокой степенью доверия к властям (включая и Грессера, несомненно являвшегося в представлении слушателей одним из «господ»). Также выделяется основная сфера интересов крестьянства – отнюдь не вопросы изменения государственного устройства или дальневосточной политики, а облегчение налогового бремени. Нельзя исключать и намерение не сочувствовавших оппозиционным речам крестьян доставить «начальству» сведения о таковых.

В Департаменте полиции проявили интерес к делу. Оттуда за подписью П.И. Рачковского пришло следующее решение от 15 июня: «...обстоятельства были доложены... Заведующему Полицией, который изволил указать, что если ИОСХ и другие подобные СХО... обнаруживают вредное противоправительственное направление, то, на основе устава сих обществ, Вам надлежит представить о их закрытии на усмотрение Главноуправляющего ЗиЗ» [8, л. 18]. В случае отказа ГУЗиЗ закрыть упомянутые выше общества губернатору «надлежит применить... ст. 321 Общих Губернских Учреждений относительно закрытия их заседаний» [8, л. 18]. Однако такая мера не потребовалась – 5 июля ГУЗиЗ одобрило закрытие ИОСХ [8, л. 24].

В среде оппозиционных деятелей это распоряжение вызвало полное замешательство. Неожиданность такого решения еще долго сказывалась на их действиях и настроениях. Помощник Судогодского исправника Доброхотов в рапорте от 24 июля рассказывает, как оно было встречено: «...г. Грессером был экстренно собран Совет общества, на котором объявлено распоряжение... и тут же предложено Совету возбудить ходатайство об отмене [его]. Объявление о прекращении функционирования общества, ликвидации его дел и сложения с себя звания председателя г. Грессером сделано хотя и не было, но... собраний членов общества созывать уже не предполагается до выяснения результатов хо-

датайства» [8, л. 33]. Жандармское донесение дополняет, что было решено «гг. Грессеру и Жоховскому лично ехать во Владимир для объяснения с г. Губернатором и Управлением земледелия» [8, л. 35]. Уверенность в неподсудности деяний выразилась в попытке сохранить пути для возвращения к прежнему положению, так как «существующий в с. Ильинском сельскохозяйственный склад продолжает еще сохранять вывеску общества и заведующий складом приказа о сдаче кому-либо имущества склада не получал» [8, л. 33].

По-видимому, сначала всё дело представлялось группе будущих кадетов каким-то недоразумением, которое легко может быть отменено. Поэтому «на предложение пристава 2 стана... уведомить, когда окончательно [будет] закрыто ИОСХ и склад оногo... Председатель (бывший)... г. Грессер отозвался, что ответ им дан будет лично Вашему Превосходительству» [8, л. 38]. Но полицейские тщательно выполняют полученные распоряжения: «...я лично сего числа отправляюсь для закрытия действий ИОСХ. Уездный Исправник Померанцев» [8, л. 37]. Эти слова написаны 27 июля, а на следующий день была, по выражению автора документа, «отобрана» подписка: «...действия ИОСХ закрыты сего числа, слышали, в чем и подписуемся. За Председателя ИОСХ И. Масленников. Члены Совета ИОСХ: С. Зайцев, Е. Герман» [8, л. 42].

Приписка рукой губернатора на рапорте Доброхотова свидетельствует, что 28 июля во Владимир «явились А.П. Грессер и... Жоховской за объяснением о причинах закрытия ИОСХ и о дальнейшем образе действий этого общества». Посетителям губернатор «рекомендовал обратиться с жалобой к министру ВД» [8, л. 38]. Леонтьев не мог не знать, что подобная жалоба, учитывая представленные им в своеобразном свете факты, не будет удовлетворена.

Будущие кадеты избрали единственно доступный им в тот период путь активной защиты – прибегли к помощи СМИ. Однако эти усилия вместо делового, «органического», как тогда говорили, характера носили сильный отпечаток декларативности, выражали в отношении ИОСХ, с одной стороны, уверенность в невозможности каких-либо улучшений при существующем строе (для повышения граду-

са оппозиционности у читателей), а с другой – питались необоснованными надеждами. Содержание первой тенденции таково: отказываясь от дальнейших активных действий за сохранение общества, признавалась бессмысленность легальной борьбы на местном уровне. Таким образом утверждалась необходимость смены всего государственного строя, в каковом вопросе уже считавшееся проигранным дело ИОСХ должно было стать одним из многочисленных в печати того времени доказательств, призванных все дальше вести читателя по пути нарастания оппозиционных настроений. Вторая тенденция – надежда на чудо, ради которого, однако, не выражалось готовности что-либо предпринять. Оно должно было последовать независимо от поведения заинтересованных лиц, из «общих» соображений о справедливости.

Еще 23 июля в газете «Северный Край» появилось сообщение о закрытии ИОСХ [13, с. 3]. Но и в номере, вышедшем через день после письменного предложения вице-губернатора Совету ИОСХ закрыть общество [8, л. 27], которое, скорее всего, еще не было составлено, обнаруживаем следы начавшегося беспокойства. Оно, впрочем, приняло неправильное направление: «Заседание ИСХО 6 июля (неточность или опечатка, имеется в виду заседание 6 июня. – А. Е.)... имело своим последствием приезд и опрос населения жандармским унтер-офицером. У одного крестьянина была отобрана... брошюра “Народное представительство” Мускатблита, показавшаяся жандарму подозрительной. Собравшийся после этого совет ИСХО постановил просить губернскую земскую управу отпечатать последние высочайшие акты и речь Государя 6 июня, так как полиция извращает их смысл, обжаловать действия жандармского унтер-офицера, незаконно отобравшего чужие книги и выразить сочувствие съезду земских и городских деятелей» [11, с. 2]. Тот же «Северный Край» пугает администрацию судебным преследованием: «Как мы слышали, члены общества намерены, если ликвидация дел общества будет произведена без их ведома и участия, предъявить гражданские иски» [12, с. 3].

Основополагающим в этой связи следует считать письмо, напечатанное в «Русских

Ведомостях» с подписью «Бывший председатель ИОСХ А. Грессер». Оно весьма информативно и ярко характеризует настроения и представления группы будущих кадетов, пытавшихся использовать в своих целях ИОСХ. Прежде всего причиной его опубликования является довольно скоро наступившее разочарование в возможности продолжать свою деятельность: совет ИОСХ «17 июля постановил в случае окончательного закрытия Общества обратиться к печати с просьбой огласить истину и поручил мне это исполнить» [4, с. 3]. Главная вина за такой исход возлагается на полицию: «На общем собрании (6 июня. – А. Е.) полиция не присутствовала, хотя ей была послана повестка, согласно уставу; зато с начала июня она с необыкновенным усердием занялась сыском. Становой пристав, урядник и жандармы беспрестанно разъезжали по деревням, тенденциозно допрашивая крестьян и стараясь вселить в них недоверие к Обществу, как “крамольному” и даже отнимали книги (Мускатблит), розданные лично от себя председателем. Все это крайне смутило многих крестьян и чуть не привело к образованию активной черной сотни» [4, с. 3]. Заострение внимания на малозначительных фактах раскрывает неверный вывод, сделанный группой будущих кадетов при определении противника. Основанные на нем действия не доставили неудобств Леонтьеву, поскольку были верно им расценены. Как писала газета «Русские Ведомости», совет «постановил отправить депутацию к губернатору с просьбой ясно формулировать обвинение и «с жалобой на действия полиции», последнюю «губернатор совсем не пожелал выслушать, а, напротив, пригрозил репрессиями в случае обращения к печати» [4, с. 3].

Но выясняется, что у кадетской группы была информация и о настоящем виновнике создавшегося положения, не приведшая, однако, к принятию ими каких-либо мер: «Одновременно к губернской администрации полетели доносы с самыми нелепыми обвинениями, как, например, в том, что председатель уговаривал крестьян прекратить платеж повинностей; но совет, *сознавая свою правоту* (курсив наш. – А. Е.), старался лишь успокоить сбитых с толку крестьян... Единственно, что удалось косвенно выяснить из разговора (с губернато-

ром. – А. Е.), это то, что доносы, на которых зиждется обвинение Общества, совершенно фантастичны, что даже привело к некоторым комическим недоразумениям» [4, с. 3]. Пренебрежительное отношение к убеждениям и доводам оппонента, имеющее влияние на ход дела, и, как оказывается, являющееся едва ли не единственным предлогом для губернатора, с одной стороны, и попытка действовать в соответствии со своими предубеждениями в отношении полиции и жандармов, с другой – не могли привести к каким-либо положительным результатам в этом эпизоде. Точка зрения Булгакова о том, что предпринимаемые группой будущих кадетов действия могли послужить к нарастанию возбуждения у крестьян, не только не рассматривалась ими как возможно главная причина закрытия ИОСХ, но вообще не принималась за положение, с которым следовало бы спорить. Эта уверенность в своей «правоте», «прогрессивном», «просветительском» характере деятельности превращала мнение консервативно настроенного представителя власти в их глазах в «комическое недоразумение», а не в программу противостоящей «партии», с которой следует бороться. То есть, действуя уже в духе следующего, конституционного, периода развития государств, будущие кадеты не в полной мере осознавали принцип работы сопутствующих ему механизмов, в значительной степени оставаясь продуктом своего времени.

Нерасторопность двух делегатов (с постановления Совета до их поездки прошло 11 дней) как будто отягчает «вину» полиции и губернатора: в тот же день «в с. Ильинское приезжал судогодский исправник, который... и взял с членов подписку... Таким образом, поездка депутации оказалась излишней, так как Общество было уже закрыто, о чем губернатор почему-то нашел нужным умолчать депутации» [4, с. 3].

В борьбе за сохранение Ильинского общества Грессеру удалось только использовать вышеупомянутое слабое место в логике обвинения, касающееся хозяйственной деятельности ИОСХ: «...губернатор предложил председателю немедленно закрыть Общество... ему было объяснено, что в таком случае вся ответственность по денежным и имущественным делам Общества падет на него» [4, с. 3].

Завершающие слова статьи наполнены мотивами негодования и убеждением в невозможности продолжить борьбу в практической сфере: «Совет принужден подчиниться бюрократическому усмотрению и оставить все имущество Общества на произвол судьбы, снимая с себя всякую дальнейшую ответственность; ему остается только обратиться к суду общественного мнения и заявить горячий протест против произвола администрации... Вот каким путем, вопреки уставу, ИОСХ закрыто владимирским губернатором, по-видимому, лишь за то, что оно нелицеприятно исполнило указ Государя Императора» [4, с. 3].

Однако за день до появления этих слов в печати из ГУЗиЗ Леонтьеву был отправлен следующий документ: «Дабы не поставить местное население в затруднительное положение... представлялось бы возможным ограничиться... приостановлением созыва общих собраний ИСХО, не прекращая однако деятельности состоящих при Обществе склада, лавки, показательного огорода и опытных участков, с тем, чтобы эти учреждения находились под ближайшим наблюдением Вашего Превосходительства» [8, л. 44–44 об.].

Заметки в печати тут же отразили изменение настроения: «ИСХО... теперь опять получило разрешение к открытию, только без общих собраний. Вице-губернатор, вызывавший... Грессера, сообщил, что общие собрания запрещаются на ближайшие 4 месяца, намекнув, что этот срок соответствует подготовительным действиям к открытию Государственной Думы» [10, с. 2]. Последнее положение выдается за уже подтвержденный факт в иронического тона статье «Русских Ведомостей»: «ИО было снова открыто... лишь без разрешения общих собраний в течение 4 месяцев, то есть пока не будет созвана ГД (далее перепечатана информация о бумаге из совета министров. – А. Е.). Интересно знать, что скажет на это владимирский губернатор, который закрыл Общество за это же постановление» [2, с. 3]. Отвечая на это, газета «Русь» торжествующим тоном дает совет высшей администрации «осадить» губернатора: «Да попросту ничего не скажет. Может быть было бы важнее, чтобы кто-нибудь, по табели о рангах соответствующий, указал владимирскому губернатору на необходимость

более осторожного обращения с правилами о «пресечении» [6, с. 3].

Между тем какие-либо иные свидетельства о разговоре Грессера и вице-губернатора И.Н. Сазонова отсутствуют. Разрешение на частичное продолжение деятельности ИОСХ «с подпискою» Грессера объявлено Судогодским исправником Померанцевым [8, л. 48]. Допуская, впрочем, возможность упомянутого выше разговора, нельзя не отметить оборот «намекнув» из первоначальной заметки. По-видимому, уже отчаявшийся сохранить общество Грессер, а вслед за ним и его единомышленники, и газеты приняли желаемое за действительное. Еще в своем докладе Заведующему полицией 4 июня Леонтьев заявил: «Что же касается ИСХО, то, доколе председателем его будет г. Грессер, рассчитывать, чтобы это общество занималось своим делом не представляется никакой возможности» [8, л. 3]. Здесь же, то есть, вопреки газетному мнению, до собрания 6 июня и представления Булгакова о нем, губернатор впервые решает: «...в предупреждение развития центров, откуда будет исходить пропаганда с целью возбуждения среди крестьянского населения волнений в смысле разработки вопросов аграрного, а также и политического характера, я покорнейше просил бы Ваше Высокопревосходительство не признаете ли Вы возможным означенное общество закрыть» [8, л. 3].

Можно предполагать и причину, вызвавшую у него такое суждение. В исполнение директивы ГУЗиЗ о наблюдении, губернатор просит исправника доставить «последний, утвержденный общим собранием отчет ИОСХ» [8, л. 57]. На это Грессер отвечает: «...отчет отдан в печать для раздачи г. членам, а подлинник, 1 экземпляр которого послан в Министерство земледелия, я не нахожу удобным выдать без постановления совета» [8, л. 57 об.]. Подобная строптивость, естественно, не могла не повлиять негативно на развитие отношений с администрацией. Вполне возможно, что аналогичное поведение Грессера наблюдалось и до описываемых событий.

С наступлением октября 1905 г. произошли известные изменения в государственном устройстве, которыми немедленно попыталась воспользоваться руководящая ИОСХ группа кадетов. Ходатайство ГУЗиЗ губернатору от

29 октября говорит: «Совет ИОСХ обратился в ГУ с ходатайством об отмене в виду Высочайшего Манифеста 17 октября... распоряжения ГУ о прекращении созыва собраний», которое «мотивирует необходимостью ознаменовать обнародование великого акта... благотворительным или просветительным делом, что должно пройти через общее собрание», кроме того «и. д. Главноуправляющего ЗиЗ Тайным Советником Шванебахом признано было желательным удовлетворение изложенного ходатайства» [8, л. 59]. Но Леонтьев не обманывается «верноподданными» заявлениями лидеров ИОСХ и исполняет свое намерение не допускать деятельности Грессера на посту председателя: «...когда всюду замечается подстрекательство к аграрным беспорядкам, я со своей стороны не признавал бы возможным всецело удовлетворить ходатайство... но принимая во внимание заявленное Советом общества желание... не встречал бы препятствий к разрешению... созвать для этой именно цели общее собрание» [8, л. 60].

Расчет на затягивание событий оказался верным – либеральная волна «на вершинах власти» быстро спадала: 23 декабря поправка губернатора одобрена ГУЗиЗ [8, л. 61], а 2 января 1906 г. обстоятельства позволили ему совсем отказать в этой инициативе: «В виду последних событий... я в настоящее время не нахожу возможным разрешить ИОСХ созыва общего собрания» [8, л. 62].

Таким образом, стремление превратить конфликт с 2–3 лицами консервативных убеждений, рожденный из попытки выдать себя за выразителя нужд широких масс, в один из многочисленных в тогдашней прессе обвинительных актов против государственного строя на долгие годы поставило крест на возможностях ИОСХ исполнить свое назначение по оказанию содействия местному населению и существенно подпортило политическую карьеру Грессера. В будущем он стал председателем 2 Судогодской (Ильинской) группы КДП, а после отъезда Коммиссарова и председателем Владимирского губернского комитета этой партии, но не смог более занять ни одной значительной должности в выборных государственных или общественных учреждениях.

Нельзя не признать, что в деле ИОСХ группе будущих кадетов на первых порах про-

тивостояли только *два человека*; тот факт, что один из них был губернатором, учитывая сопутствующие обстоятельства, оставлял кадетам значительные шансы на достижение благоприятного результата.

Первым из этих обстоятельств следует признать несущественность реальных расхождений с законодательством описанной деятельности кадетской группы. Этот фактор делает предпринятые Леонтьевым меры использованием служебного положения с целью реализации его политических взглядов, что не только в значительной степени сужает возможности использования ресурса администрации, но и ставит под угрозу дальнейшую карьеру и даже само его пребывание на должности в случае неблагоприятного исхода. Подтверждением рассуждений в этом пункте может служить осторожность, проявленная губернатором в предпринимаемых действиях. Дождаясь решения ГУЗиЗ по вопросу закрытия ИОСХ, он просит разрешения закрыть его самому у Трепова в случае отказа ГУЗиЗ. Легко заметить различие подходов в сравнении, например, с делом об Обществе вспомоществования учащих и учивших Владимирской губернии, имевшем место в мае-июне того же года. Оно, также под предводительством будущих кадетов, уже начинало обширное объединение учительского персонала, по-видимому, для проведения через них агитации в крестьянской и рабочей среде. В данном случае Леонтьев сообщает в МВД, что «обратился к г. министру народного просвещения с просьбой о закрытии означенного общества», но «в случае неблагоприятного разрешения» вынужден будет «для общего спокойствия и предупреждения подобных происков со стороны неблагонадежных лиц применить к означенному обществу ст. 321 т. II ч. 1 Общ. Губ. Учрежд. (то есть закрыть. – А. Е.)» [7, л. 2 об.]. В первом варианте заметно намерение избежать обвинения по статье 338 Уложения о наказаниях в превышении власти, «когда, выступив из пределов и круга действий, которые предписаны ему по его званию, должности, месту или особенному поручению, [чиновник] учинит что-либо в отмену или же вопреки существующих узаконений, учреждений, уставов или данных ему наставлений... или же дозволит себе какое-либо действие или рас-

поряжение, на которое нужно было разрешение высшего начальства, не испросив оно надлежащим образом» [14, с. 225], что каралось отрешением от должности, исключением из службы или заключением в крепость от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев [14, с. 231]. Однако переложить ответственность на МВД не удалось.

Ответ Трепова на вышеупомянутую просьбу позволяет охарактеризовать второе обстоятельство, влиявшее на расклад сил в описываемый период. В условиях нарастания Первой русской революции следует отметить два направления, по которым шло ее воздействие на государственный аппарат. Во-первых, это двойственное настроение высшей администрации, заключающееся в борьбе в ее среде консервативных и либеральных тенденций. Ответ Заведующего полицией следует трактовать так: причиной для закрытия Ильинского и любых других обществ может быть *только* обнаружение их «вредного» противоправительственного направления. Обтекаемость такой формулировки очевидна, ведь если пользоваться докладами полиции, деятельность Грёссера отличается отсутствием «излишней резкости» и «приличным тоном».

Во-вторых, это неуверенность самих губернаторов в прочности своего положения и правильности того или иного направления дальнейших действий. По выражению Витте, «многие не знали, в какую им дудку играть, чтобы в конце концов не проиграть» [1, с. 63]. В скором времени эта растерянность станет одной из причин волны погромов и столкновений масс людей с разными политическими взглядами по всей России после объявления Манифеста 17 октября. Как выяснится позже, такие опасения имели под собой реальные основания. Например, при переговорах П.Н. Милюкова с Треповым о формировании ответственного перед I Думой кадетского министерства последний без возражений соглашался на снятие наиболее «одиозных» губернаторов, определение чего будет зависеть, конечно, от общественного мнения [5, с. 378–379]. Положение о «всесилии» губернаторов следует отнести, на наш взгляд, в значительной степени к мифотворчеству оппозиционной прессы. Она намеренно раздувала силы противника, которого их единомышленникам не

удавалось победить зачастую, как показано и в данной статье, из-за подверженности предрассудкам («полиция и жандармы противостоят прогрессу») и нецелесообразности действий. На деле же деятели такого уровня вполне могли стать разменной фигурой при поворотах политического курса.

Наконец, третьим обстоятельством, которое следует учитывать также из-за приданных ему Первой русской революцией качеств, является возрастание значимости общественного мнения. Как было ранее отмечено, в условиях самодержавного государства печать можно считать едва ли не единственным для будущих кадетов способом самостоятельной борьбы с консервативными тенденциями местной администрации. Но в описываемый период значительность этого средства следует считать постепенно возрастающей с течением времени. СМИ по существу становятся выразителями общественного мнения и превращаются в политическую силу. Недаром одним из самых ярких воспоминаний о неудачах в поиске опоры новому правительству для новоизбранного после 17 октября премьером Витте был отказ от сотрудничества с ним в случае неосуществления самых радикальных требований представителей прессы во главе с издателем «Биржевых Ведомостей» С.М. Проппером, о личности которого он отзывался с презрением [1, с. 52–54]. В октябре ГУЗиЗ было готово открыть уже закрытое ИОСХ. Следовательно, еще вероятнее было бы прекращено дело, пребывающее, например, на стадии расследования. Кампания в печати, вскрывающая истинный ход дела, настоящий размер имевшихся у губернатора оснований для принятия мер и намерения, которыми он руководствовался, не могла не повысить, и довольно существенно, шансы на благоприятный для кадетской группы исход.

Разделяемые будущими кадетами демократические идеалы Просвещения, полученные в результате соответствующего устройства системы образования и закреплённые при общении в тесном круге единомышленников, существенно уменьшали необходимую в данном случае для достижения положительного результата степень активности, заставляли расходовать время и силы на нецелесообразные действия. Последние были продик-

тованы неверной оценкой ситуации, основанной на этих представлениях. Систему, созданную ими в настроениях и сознании указанной группы, следует расценивать как пагубную для делового характера деятельности политическую наивность.

На неблагоприятном для кадетов исходе сказались значительные расхождения с интересами якобы представляемой аудитории. Привнесение в деятельность не предназначенной для политической борьбы организации чужеродного элемента, расходящегося с провозглашенными ею целями, поставило непреодолимые препятствия для исполнения её прямого назначения. Только спад революции и качественное изменение состава организации позволили ей вернуться к своей деятельности, от которой ИОСХ благодаря описанному инциденту было отстранено почти на пять лет.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Дуализм написания Грессер\Грессер – благодаря свидетельству внука А.П. Грессера Н.Ф. Челищева установлена правильность второго варианта написания, но в источниках вследствие особенностей дореволюционной грамматики используется первый.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витте, С. Ю. Воспоминания: царствование Николая II / С. Ю. Витте. – Берлин : Слово, 1922. – Т. 3, ч. 1. – 539 с.
2. Владимирская губерния // Русские Ведомости. – 1905. – 14 сент. (№ 250). – С. 3.
3. Гайда, Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.) / Ф. А. Гайда. – М. : РОССПЭН, 2003. – 432 с.
4. Закрытие Ильинского общества сельского хозяйства // Русские Ведомости. – 1905. – 17 авг. (№ 223). – С. 3.
5. Милуков, П. Н. Воспоминания (1859–1917) / под ред. М. М. Карповича, Б. И. Элькина. – М. : Политиздат, 1991. – Т. 1. – 439 с.
6. Оборот неожиданный // Русь. – 1905. – 16 сент. (№ 221). – С. 3.
7. Об обществе вспомоществования учащихся и учивших Владимирской губернии // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102. – Оп. 103. – 3-е делопроизводство 1905 г. – Д. 1036. – Л. 1–10.

8. О закрытии Ильинского общества сельского хозяйства в Судогодском уезде // Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1632. – Л. 1–93.

9. По рапорту Муромского исправника о секретном собрании в г. Муроме в доме купца Павла Валленкова // ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 11. – Д. 1790. – Л. 1–3.

10. Провинциальная хроника // Сын Отечества. – 1905. – 31 авг. (№ 169). – С. 2.

11. Судогда, Владимирская губерния // Северный Край. – 1905. – 12 июля (№ 171). – С. 2.

12. Судогда, Владимирская губерния // Северный Край. – 1905. – 12 авг. (№ 196). – С. 3.

13. Судогда, Владимирская губерния. По распоряжению министра внутренних дел, последовавшего по донесению владимирского губернатора, закрыто ИОСХ // Северный Край. – 1905. – 23 июля (№ 180). – С. 3.

14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / проф. Н. С. Таганцев. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1886. – 948 с.

15. Хроника // Клязьма. – 1906. – 17 янв. (№ 15). – С. 2.

16. Челищев, Н. Ф. Голос из прошлого / Н. Ф. Челищев. – Лондон : Adrianpress, 2000. – 63 с.

REFERENCES

1. Vitte S. Yu. *Vospominaniya: tsarstvovanie Nikolaya II* [Memoirs: The Reign of Nicholas II]. Berlin, Slovo Publ., 1922, vol. 3, part 1. 539 p.
2. Vladimirskaya guberniya [Vladimirskaya Province]. *Russkie Vedomosti*, 1905, Sept. 14 (no. 250), p. 3.
3. Gayda F. A. *Liberalnaya oppozitsiya na putyakh k vlasti (1914- vesna 1917 g.)* [The Liberal Opposition on It's Way to the Power]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 432 p.
4. Zakrytie Ilyinskogo obshchestva selskogo khozyaystva [The Forced Closing of the IAS]. *Russkie Vedomosti*, 1905, Aug. 17 (no. 223), p. 3.
5. Milyukov P. N. *Vospominaniya (1859-1917)* [Memoirs (1859-1917)]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, vol. 1. 439 p.
6. *Oborot neozhidanny* [An Unexpected Turn]. *Rus*, 1905, Sept. 16 (no. 221), p. 3.
7. *Ob obshchestve vspomoshchestvovaniya uchashchikh i uchivshikh Vladimirskoy gubernii* [On the Society of Mutual Support of Teachers and Ex-Teachers of Vladimirskaya Province]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of Russian Federation]. F. 102, Op. 103, D. 1036, L. 1-10.
8. *O zakrytii Ilyinskogo obshchestva selskogo khozyaystva v Sudogodskom ueзде* [On the Forced

Closing of IAS in Sudogda Subregion]. *Gosudarstvennyy arkhiv Vladimirskoy oblasti (GAVO)* [State Archive of the Vladimir Region]. F. 14, Op. 5, D. 1632, L. 1-93.

9. Po raportu Muromskogo ispravnika o sekretnom sobranii v g. Murome v dome kuptsa Pavla Valenkova [According to the Report of the Murom District Police Officer on the Secret Meeting in Murom in the House of Merchant Pavel Valenkov]. *GAVO*, F. 14, Op. 11, D. 1790, L. 1-3.

10. Provintsialnaya khronika [Provincial Chronicles]. *Syn Otechestva*, 1905, Aug. 31 (no. 169), p. 2.

11. Sudogda, Vladimirskaya guberniya [Sudogda, Vladimirskaya Province]. *Severnyy Kray*, 1905, July 12 (no. 171), p. 2.

12. Sudogda, Vladimirskaya guberniya [Sudogda, Vladimirskaya Province]. *Severnyy Kray*, 1905, Aug. 12, no. 196, p. 3.

13. Sudogda, Vladimirskaya guberniya. Po rasporyazheniyu ministra vnutrennikh del, posledovavshogo po doneseniyu vladimirskogo gubernatora, zakryto IOSKh [Sudogda, Vladimirskaya Province. By the Decree of the Minister of Internal Affairs, on Behalf of Vladimir Region's Governor, IAS Was Closed]. *Severnyy Kray*, 1905, July 23 (no. 180), p. 3.

14. Tagantsev N.S. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitelnykh 1885 goda* [The List of Criminal Laws]. Saint Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, 1886. 948 p.

15. Khronika [Events]. *Klyazma*, 1906, Jan. 17 (no. 15), p. 2.

16. Chelishchev N.F. *Golos iz proshlogo* [The Voice From the Past]. London, Adrianpress Publ., 2000. 63 p.

THE USE OF PUBLIC ORGANIZATIONS FOR POLITICAL PURPOSES BY THE LIBERAL OPPOSITION (ON THE EXAMPLE OF THE ILYINSKOE AGRICULTURAL COMMUNITY OF VLADIMIRSKAYA PROVINCE, 1905-1906)

Efremov Andrey Sergeevich

Postgraduate Student, Department of History, Archaeology and Local History,
Vladimir State University
eskalibur89@rambler.ru
Chaykovskogo St., 44B, 600015 Vladimir, Russian Federation

Abstract. The purpose of the Ilyinskoe Agricultural Community (IAS) consisted in improving the prosperity of the local population. Along with the activation of the political life in the Russian Empire, the community became controlled by the men with the liberal and political convictions. In the near future almost all of them became members of the Party of the Peoples' Freedom (Constitutional and Democratic Party). As they tried to gain popularity amongst the peasants, the local administration treated their actions as the deviation from the IAS purposes. The party was headed by A.P. Groesser, former lieutenant of the Imperial Guard Cavalry and in the future – the chairman of Vladimir regions' council. He tried to appear in the eyes of poorly educated peasants as a direct messenger to the Tsar himself with the purpose of leading their opinions to inevitability of westernization reforms of all the system of state laws. A.P. Groesser rashly and without restraint wanted to agitate the audience for his ideals instead of carefully using the IAS as an educational and conversational board, which option could have helped the audience to understand the essence of western practices.

The skyrocketing activity of left-wing radicals in all subjects of the Empire put the local administration in the state of scrutiny. The governor hindered all the activities of IAS using unlawful methods. With the help of local conservative low-level officials he convinced the central government in extremist, revolutionary tendencies that IAS was engulfed by because of the liberals. The constitutionalists and democrats could not efficiently oppose him because they were led by stereotypes and prejudices. The campaign in liberal press chose the delusional way of "revolution simulation" instead of finding the possibility of the real dialogue with the central and local administration.

Key words: agricultural community, popularity, peasants, constitutionalists-democrats, political convictions.